

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Специфика интертекстуальности в литературной пародии (на материале романа Дж. Остин «Нортенгерское аббатство»)

Рабенко Софья Дмитриевна

Студент

*Кемеровский государственный университет, факультет романо-германской филологии, Кемерово, Россия
E-mail: sonik270791@mail.ru*

Специфика интертекстуальности любого художественного текста, как известно, требует выхода за его пределы, поскольку включает интерпретацию литературного факта в целом, отражает в себе отголоски представителя определенного жанра, творческого продукта, эпохи и культуры.

Помимо явных маркеров интертекстуальности (прямая отсылка к более раннему тексту, цитата, аллюзия, реминисценция), существуют такие, которые присутствуют в тексте в менее узнаваемых формах. Процесс раскодирования текстов, написанных поверх иных, является трудоемким. Зная принципы организации художественного текста, читатель в самом тексте находит связи и отношения элементов сложного целого, что дает ему ключ к пониманию произведения. Это понимание будет, естественно, тем глубже, чем богаче собственный тезаурус читателя [1].

Интертекстуальность обладает большой сложностью и разнообразием модальностей функций и импликаций – оценочных, характерологических, идейных, композиционных. Импликации, в свою очередь, связаны с тем, что каждое чужое слово насыщено отзвуками чужих высказываний, к которым автор текста может относиться как с пиететом, так и с иронией, пародировать их [2].

Существуют литературные жанры, интертекстуальность которых продиктована самими законами данного жанра. Это, прежде всего, пародия, так как пародия пишется всегда на кого-то или на что-то, т.е. *argot* предполагает отсылку к другому тексту или текстам, подвергающимся пародийной критике, пародийному осмеянию.

Рассмотрим реализацию пародийного начала в романе Дж. Остин «Нортенгерское аббатство», который предстаёт как пародия на готические романы А. Рэдклифф.

Как известно, главная функция пародии проявляется в стремлении «доказать, что с точки зрения жизни, истории и реальности некоторые литературные стили выглядят устаревшими» [4]. Дж. Остин в «Нортингэрском аббатстве» остроумно высмеивает все клише и штампы, свойственные популярному роману её времени. Она считает неприемлемым для себя уход от реальной действительности в иллюзорный выдуманный мир, поэтому героиней своего романа она делает обыкновенную, ничем не примечательную девушку: «She had a thin awkward figure, a sallow skin without colour, dark lank hair, and strong features — so much for her person; and not less unpropitious for heroism seemed her mind» [3].

В этом описании Дж. Остин пародирует традиционное представление о «героине готического романа», тем самым доказывая его несостоятельность с точки зрения реальности и здравого смысла. К примеру, стандартное описание внешности романтической девушки выглядит в романе А. Рэдклифф «Удольфские тайны» следующим образом: «She had discovered in her early years uncommon delicacy of mind, warm affections, and

ready benevolence. As she advanced in youth, this sensibility gave a pensive tone to her spirits, and a softness to her manner, which added grace to beauty, and rendered her a very interesting object to persons of a congenial disposition» [5].

Дж. Остин не наделяет свою героиню талантами: «She never could learn or understand anything before she was taught; and sometimes not even then, for she was often inattentive, and occasionally stupid» [3]. В то время как центральный персонаж «готического» романа, Эмилия, предстаёт перед читателем образованной девушкой: «St. Aubert gave her a general view of the sciences, and an exact acquaintance with every part of elegant literature. He taught her Latin and English, chiefly that she might understand the sublimity of their best poets» [5].

Сюжет «Нортенгерского аббатства» строится по принципу «снижения», дегероизации клишированных ситуаций «готического» романа. Так, Дж. Остин отрицает традиционное представление о семье «героини готического романа». Если у А. Рэдклифф Эмилия лишается родителей вначале повествования: «Emily's mother had, indeed, taken the infection, during her attendance upon St. Aubert, and, her constitution being too weak to throw out the disease immediately, it had lurked in her veins, and occasioned the heavy languor of which she had complained. . . Madame St. Aubert was interred in the neighbouring village church. . . St. Aubert lingered till about three o'clock in the afternoon, and, thus gradually sinking into death, he expired without a struggle, or a sigh» [5], то родители же Кэтрин Морланд, героини «Нортенгерского аббатства», живы и здоровы: «Her father was a clergyman, without being neglected, or poor, and a very respectable man . . . Her mother was a woman of useful plain sense, with a good temper, and, what is more remarkable, with a good constitution» [3].

Таким образом, контраст прослеживается по всем позициям описания обоих персонажей: внешний облик героинь, уровень образования, семья. Сама Дж. Остин определяет Кэтрин Морланд как «непригодную для героини»: «No one who had ever seen Catherine Morland in her infancy would have supposed her born to be an heroine» [3].

Благодаря знаниям прототекста и пониманию связи между текстами пародии и оригинала, т.е. так называемой «энциклопедической информации», описание Кэтрин Морланд, ссылки на «готические» романы позволяют заключить, что перед нами яркий пример литературной пародии.

Литература

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // ИЯШ. М, 1978. 4. С. 23-31.
2. Лушникова Г.И. Интертекстуальность художественного произведения. Кемерово: КемГУ, 1995.
3. Austen, Jane. *Northanger Abbey* / J. Austen // Рэдклифф А. Роман в лесу. Остин Дж. Нортэнгерское аббатство. – М.: Радуга, 1983.
4. Poirier, R. The politics of self-parody / R. Poirier // *Partisan review*. – N. Y. 1968. Vol. 35, 3. P. 327-342.
5. Bookglutton. Books are conversation: <http://www.bookglutton.com>